

В том бесконечном, повторяющемся сне Хань Хуань снова увидел Гу Цзина.

Стояло жаркое пекинское лето, и озеро Шичахай утопало в цветущих лотосах.

Хань Хуань в очередной раз взглянул на часы. Он сидел в кафе, наблюдая за тем, как шумная толпа течет куда-то вдаль, и в душе его невольно зародилось странное, тонкое чувство.

Словно кислинка лимона, только что коснувшаяся языка, или вкус пива, медленно бродящего в огромной дубовой бочке.

Если попытаться сравнить с этим любовь, то первое — это, вероятно, юношеская радость, а второе — та тихая, размеренная жизнь, что выдержала испытание бытом.

Хань Хуань вспомнил о том, кого сейчас ждал, и его холодный взгляд невольно потеплел. Половина двенадцатого. Самолет задержался на полчаса, и в сердце Хань Хуаня вдруг проснулось предвкушение.

Казалось бы, они вместе уже почти пять лет, но он все еще ждет возвращения любимого после разлуки так же трепетно, как в самом начале.

Хань Хуань помнил, как однажды ранней осенью Гу Цзин, только сойдя с трапа, обнял его — так крепко, что от его пальто еще веяло прохладным ароматом далеких заморских лесов.

Он помешал кофе ложечкой и продолжил терпеливо ждать. Он не боялся, что Гу Цзин не найдет его: каждый раз, когда выдавалось свободное время и он приезжал встречать его в аэропорт, он садился за этот самый столик. Со временем владелец кафе привык к такому постоянному посетителю.

Сегодня хозяин заведения рекомендовал к черному кофе десерт — торт Красный бархат.

Издали Хань Хуань увидел, как к нему направляется Гу Цзин. Гу Цзин всегда замечал его с первого взгляда, и этот раз не стал исключением.

Среди бесчисленных спешащих фигур найти Гу Цзина было проще всего. Второй молодой господин Гу был хорош собой: бледная кожа, черты лица, изысканные, словно у мраморной статуи, дорогой темно-серый костюм идеального кроя. Он шел уверенно, набросив пиджак на руку и оставив багаж помощнику, — его неспешная походка радовала глаз.

По словам самого Гу Цзина, когда он шел к нему, он был далеко не так спокоен, как казалось со стороны.

— Стоило мне подумать, что это ты, А-Хуань, приехал меня встретить, как я тут же захотел

оказаться рядом, — Гу Цзин искренне улыбнулся. Стоя перед Хань Хуанем, он смотрел на него глазами, в которых плескалась бездонная нежность.

Хань Хуань сидел в углу кафе, где на деревянной полке свисали изумрудные листья, а в изящной вазочке стоял крошечный букет розовых и желтых маргариток. В воздухе витал едва уловимый сладкий аромат мусса.

Гу Цзин взял с полки книгу и наклонился.

Книга скрыла их лица, и никто не увидел, что именно произошло.

Но когда Гу Цзин выпрямился, на его тонких губах остался сладкий розовый след, напоминающий лепестки сакуры. Мужчина задумчиво произнес:

— Торт Красный бархат и правда очень сладкий.

Хань Хуань молча убрал руку, которой только что поправлял воротник Гу Цзина, но, когда он хотел ее опустить, мужчина крепко перехватил его за запястье.

Толпа, наблюдавшая за ними с того момента, как вошел Гу Цзин, пришла в возбуждение.

Хань Хуань, не понимая, почему мужчина напротив так лучезарно улыбается, поддался и позволил увести себя из кафе, лишь услышав тихие слова:

— А-Хуань, я скучал.

Голос Гу Цзина был настолько тихим, что услышать его мог только он один.

Прошло-то всего несколько месяцев... Хань Хуань с досадой посмотрел на красивый профиль мужчины и оставил попытки сопротивляться этим детским выходкам.

Гу Цзин, казалось, был очень доволен такой уступчивостью и тихо рассмеялся.

Что ж, пусть будет так. Ему нравилось видеть его улыбку.

Когда они оставались вдвоем, в глазах Гу Цзина всегда сияла радость, уголки губ приподнимались в нежной улыбке, и даже самые обычные слова, сказанные им при объятиях со спины, звучали так, словно это были признания в пылком любовном экстазе.

Когда они добрались до двухуровневой квартиры на Третьем транспортном кольце, уже настало время ужина.

Гу Цзин вышел из ванной, вытирая волосы, и спустился вниз, спросив в сторону кухни:

— А-Хуань, что у нас сегодня на ужин?

Из кухни доносились мерные звуки готовки.

Мягкий янтарный свет падал на спину Хань Хуаня — широкую, надежную, заставляющую невольно захотеть довериться ему целиком.

Захотеть отдать ему всё.

Настоящее прикосновение наконец положило конец фантазиям, длившимся несколько месяцев.

Хань Хуань перестал резать овощи и глубоко вздохнул, подавляя желание отшвырнуть от себя человека, который буквально прилип к нему со спины. Острый подбородок мужчины мягко уперся ему в плечо, а тепло его дыхания всё еще блуждало по шее.

Гу Цзин был немного ниже, и его поцелуи, легкие, как перышко, скользили вдоль линии щеки вниз.

— А-Хуань, у тебя уши покраснели.

В этих словах сквозило больше насмешки, чем чего-либо еще.

Терпение лопнуло.

Хань Хуань развернулся и, проигнорировав почти символическое сопротивление, с глухим стуком прижал мужчину к стене.

Даже через одежду Хань Хуань чувствовал, как сильно бьется сердце Гу Цзина.

Впрочем, одежда была почти бесполезна. На мужчине была лишь широкая белая рубашка, расстегнутая на несколько пуговиц, открывая изящные ключицы и часть бледной, худощавой груди.

Взгляд Хань Хуаня опустился на обнаженные ноги мужчины, и его собственный голос невольно стал хриплым:

— Это моя рубашка?

Гу Цзин улыбнулся, молчаливо подтверждая. Хоть он был лишь немногим ниже Хань Хуаня,

его тело не было таким крепким и жилистым.

— А где брюки?

Гу Цзин опустил взгляд на себя, посчитал, что всё в порядке, и невинно ответил:

— Я же надел.

Белая рубашка едва прикрывала половину его округлых ягодиц.

Гу Цзин был без брюк.

Холод от кондиционера в комнате словно испарился, и зной вернулся вновь.

Они сократили расстояние — идеальная дистанция для поцелуя.

Коснувшись губ Хань Хуаня, Гу Цзин вдруг отстранился и поцеловал его в щеку, отчего алый румянец мгновенно разлился по лицу Хань Хуаня.

— А-Хуань, ты что, совсем не скучал по мне? М? — Гу Цзин хмыкнул, разговаривая сам с собой.

— Неужели мы так долго вместе, что я больше не привлекаю тебя? Если так, то мне, как твоему партнеру, очень обидно...

Его болтовню прервал глубокий, требовательный поцелуй.

<http://bllate.org/book/18679/1804957>